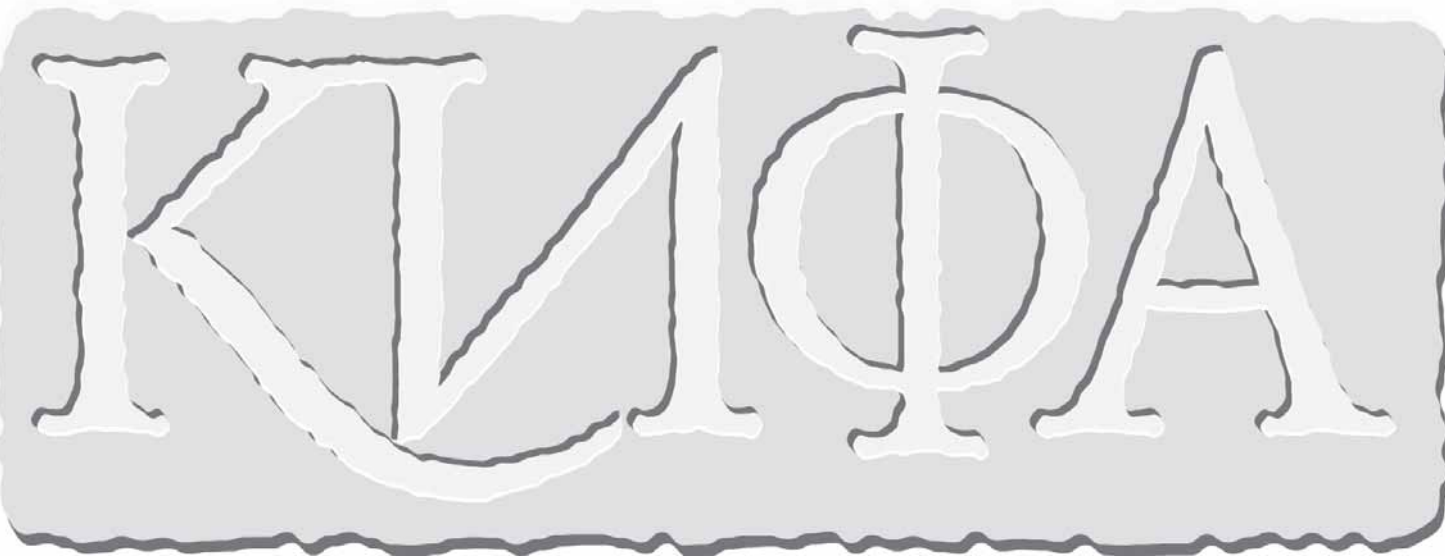

ДИСКУССИИ УКРЕПЛЯЮТ ЕДИНСТВО ЦЕРКВИ

Интервью с протоиереем Всеволодом Чаплиным,
заместителем председателя Отдела внешних церковных связей

«Кифа»: В своём интервью нашей газете ещё три года назад прот. Николай Балишов говорил о том, что в церкви становятся возможны открытые дискуссии на острые темы. Каковы, на Ваш взгляд, перспективы такой общецерковной дискуссии, например, по таким вопросам, как различие подлинного и неподлинного в литургической традиции, длительность и содержание предкрещальной катехизации, возможность созыва в ближайшее время Поместного собора? Какие еще вопросы, на Ваш взгляд, необходимо обсудить в общецерковном контексте?

Прот. Всеволод Чаплин: Дискуссия очень нужна. Более того, я убеждён, что без неё церковная жизнь будет накапливать всё больше и больше нерешённых проблем. В традиции Православия всегда присутствовала культура таких дискуссий, нацеленных на достижение единства и согласия не только среди богословов, но и среди всего церковного народа. Я думаю, дискуссию нужно продолжать и развивать в разных видах, формальных и неформальных. К этому призвал и Архиерейский собор 2008 года¹. Все темы, которые Вы назвали, важны, хотя можно поспорить с их формулировками. Я не думаю, что в литургической традиции можно выделить «подлинное и неподлинное». Всё, что в ней присутствует, это плод богочеловеческого делания, соединения благодати Божией с человеческим творчеством, с человеческой мыслью, с человеческим опытом, который может иметь большее и меньшее качество, может содержать ошибки.

Дискуссия развивается по темам отношений Церкви с государством и светским обществом, взаимосвязей Православия и культуры, устройства приходской жизни и так далее. Бесспорно, разные практики катехизации должны быть предметом дискуссии — чем дальше, тем более активной.

Но я хотел бы предостеречь от двух вещей. Первое — это отход от канонического устройства Церкви. В частности, меня удивляют любые попытки переустроить жизнь церкви на демократических началах. Дискуссия нужна, но право принятия абсолютно всех решений принадлежит епископату, иерархии. Любая попытка переустроить каноническое церковное управление — это попытка революции. Второй опасностью мне видится тот путь, по которому иногда в своей истории шла Католическая Церковь, пытаясь регламентировать всё до мелочей в жизни христианина и христианской общины. Та же длительность катехизации, на мой взгляд, может быть очень различной. Это зависит от того, как построена система, насколько духовно одарён сам катехизатор и в какой степени действительно его слово. Я знаю примеры, когда буквально нескольких бесед человеку хватало

для того, чтобы понять, зачем он в Церкви. Я знаю и примеры, когда люди прослушали десятки лекций и прочли сотни книг, но так и не стали настоящими христианами.

«Кифа»: Наше Содружество активно участвует и в Рождественских чтениях, и в конференциях Синодальной богословской комиссии, где встречаются люди очень разных мнений. А какие еще Вы могли бы назвать площадки для такого обсуждения? Как обеспечить реальное и ответственное участие в таких дискуссиях представителей разных мнений и позиций?

О. Всеволод: Я думаю, что такая дискуссия должна быть открыта для всех, кто участвует в церковной жизни и понимает, о чём идёт речь, т.е. людей адекватных, способных участвовать в дискуссии. Площадок сегодня возникает всё больше. Это и Рождественские чтения, и выставка-форум «Православная Русь», и разного рода конференции, и пастырские совещания в разных епархиях, и круглые столы в Издательском совете Русской Православной Церкви, и дискуссии в редакциях других церковных СМИ, и интернет-форумы. Конечно, не всякой дискуссии хватает культуры и христианской любви к собеседнику. Мы знаем, что в интернете часто люди под псевдонимами буквально поливают друг друга помоями. Такую дискуссию христианской назвать нельзя. Дискуссия всегда должна вестись с любовью, с ответственностью, с заботой о Церкви.

Сегодня многие призывают к дискуссии, но в ней реально не желают участвовать. На выставке-форуме «Православная Русь» второй раз проводится конференция на темы церковной жизни. Каждый раз даются широкие анон-

сы, приглашаются все желающие, но многие группы, которые громче всего к дискуссии призывают, в этих дискуссиях либо не участвуют, либо присутствуют молчаливо. Создаётся впечатление, что эти люди готовы вести дискуссии только с собой, не выслушивая мнения тех, кто думает иначе. Понятно, что когда в дискуссии участвуют разные люди, могут быть найдены контраргументы, полностью рассыпающие ту аргументацию, которая в жанре монолога выглядит убедительно. Не случайно, к сожалению, полностью уклонился от всякой дискуссии бывший епископ Диомид. Некоторые из тем, которые он ставил, действительно достойны внимания, но нужно иметь в виду, что многое из того, что он говорил, представляет собой явные заблуждения, а подчас ложь, причем многократно опровергнутую. И многим хотелось бы ему об этом сказать и вступить с ним в дискуссию, однако этого не происходило, потому что он от дискуссии уклонялся, даже будучи приглашен на заседание Синода и на Архиерейский Собор.

«Кифа»: И последний вопрос. Вы говорили, что все эти дискуссии должны проходить в духе любви, но здесь хотелось бы большей конкретики. Понятно, что в церковном споре не могут использоваться такие, например, методы, как приписывание оппоненту тех мнений, которые он не исповедует, навешивание ярлыков, дисциплинарные взыскания или лишение возможности открытого выражения своих позиций через прессу. А какие еще приемы не могут использоваться в такой дискуссии?

О. Всеволод: Со списком, который Вы привели, я не вполне согласен. Если человек проповедует ересь, если он откровенно призывает разрушить канонический строй Церкви, это может быть осуждено, могут быть наложены и дис-

15 (89)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
МАЛЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ
БРАТСТВ

НОЯБРЬ
2008

в газете использованы
материалы сайта sfi.ru
электронная версия газеты
gazetakiifa.ru

В номере:

Американская православная церковь избрала нового предстоятеля

О новоизбранном первоиерархе многое говорит его речь, произнесенная после избрания с.2

Весна церкви Русской

Материалы встречи «Обновление внутрицерковной жизни в условиях гонений в XX в.» с.4-5

Фигуры высшего пилотажа

Мы продолжаем публикацию статей сборника «Школа профессиональной журналистики «Вода живая»: Материалы семинаров 26-28 мая 2008 года». На этот раз речь пойдет о тайнах самого живого и непредсказуемого жанра — интервью с.6

Как возникают расколы

Что же произошло три столетия назад? И в чем состояла трагедия движения церковного возрождения XVII века? с.7

«Всякий, кто способен благодарить, достоин спасения и вечной радости»

13 декабря исполняется 25 лет со дня кончины протопресвитера Александра Шмемана с.8

В приложении «Миссионерское обозрение» — новости и размышления руководителя методического центра по миссии и катехизации Владимира Якуншева о миссионерском аспекте распространенной ныне практики православных выставок

¹ «Необходимо в полной мере использовать возможности, предоставляемые соборным устроением церковной жизни, — Архиерейские Соборы и Священный Синод — для преодоления разногласий и обсуждения вопросов, волнующих совесть верующих. Важную вспомогательную роль в обеспечении работы этих церковных органов могут играть конференции и круглые столы по внутрицерковным проблемам и ведение дискуссий в православных средствах массовой информации. Следует уделить внимание формированию интеллектуальной культуры и нравственного климата церковных дискуссий по различным проблемам». Определение «О единстве Церкви»

ПРЕДСТОЯТЕЛЕМ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В АМЕРИКЕ ИЗБРАН ЕПИСКОП ИОНА (ПАФФХАУЗЕН)

В среду 12 ноября на XV Всеамериканском Соборе в Питтсбурге, штат Пенсильвания, епископ города Форт-Уорт Иона (Паффхаузен) избран Архиепископом Вашингтонским и Нью-Йоркским, Митрополитом всей Америки и Канады, сообщает официальный сайт Православной Церкви в Америке.

Митрополит Иона будет возведен на кафедру Священным Архиерейским Синодом ПЦА 28 декабря 2008 года в Свято-Николаевском соборе в Вашингтоне.

Справка:

Джеймс Паффхаузен родился в 1959 году в Чикаго, штат Иллинойс, и был крещен в Епископальной Церкви. Позднее семья переселилась в Калифорнию, в город Ла-Джолла близ Сан-Диего.

В 1978 году студент Калифорнийского университета в Сан-Диего Джеймс Паффхаузен принял Православие в храме Казанской иконы Божией Матери Московского Патриархата в Сан-Диего. Позднее Паффхаузен был переведен в Калифорнийский университет в Санта-Круз, где принимал активное участие в создании православного сообщества.

Завершив учебу в университете, Паффхаузен продолжил образование в Свято-Владимирской семинарии в Крествуде, штат Нью-Йорк. Получил степень магистра богословия в 1985 году и магистра теологии в области догматики — в 1988 году. Работа над диссертацией на соискание ученой степени доктора философии в Graduate Theological Union в Беркли была прервана поездкой в Россию, где Паффхаузен провел год.

В Москве будущий Митрополит ПЦА сотрудничал с Издательским отделом Московского Патриархата и знакомился с жизнью Русской Церкви, особенно монастырской. Его духовным отцом стал настоятель Валаамского монастыря архимандрит (ныне епископ) Панкратий. Архимандрит Кирилл (Павлов), духовник отца Панкратия, благословил Паффхаузена на принятие монашества и священного сана.

В 1994 году Паффхаузен был рукоположен во диакона, а затем во пресвитера; в 1995 году пострижен в монашество с именем Иона в Свято-Тихоновском монастыре в Саут-Кенаан, штат Пенсильвания.

По возвращении в Калифорнию отец Иона служил в нескольких миссиях, а позднее получил послушание основать монастырь в честь святителя Шанхайского и Сан-Францисского Иоанна. Обитель, первоначально находившаяся в Пойнт-Рейес-Стейшн, штат Калифорния, была недавно перемещена на север штата, в Мэнтон близ Реддинга. Служение в монастыре отец Иона совмещал с трудами по основанию миссионерских общин в калифорнийских городах Мерсед, Сонора, Чико, Эврика, Реддинг, Сьюзенвилл, а также в городе Кона на Гавайских островах.

Весной 2008 года решением Священного Синода ПЦА отец Иона был возведен в сан архимандрита, получив послушание покинуть монастырь для исполнения обязанностей викария епархии Юга США и одновременно — епархиального секретаря.

4 сентября 2008 года архимандрит Иона был избран епископом на внеочередном заседании Священного Архиерейского Синода ПЦА.

1 ноября в Свято-Серафимовском соборе в Далласе, штат Техас, архимандрит Иона (Паффхаузен) был хиротонисан во епископа города Форт-Уорт, викария Южной епархии Православной Церкви в Америке. Хиротонию совершили Местоблюститель Митрополичьего престола архиепископ Далласа и Юга США Димитрий, епископ Филадельфийский и Восточно-Пенсильванский Тихон, епископ Сан-Франциско и Запада США Вениамин и епископ Мехико Алехо, глава Мексиканского экзархата ПЦА.

12 ноября 2008 года на XV Всеамериканском Соборе в Питтсбурге, штат Пенсильвания, епископ Иона (Паффхаузен) был избран Архиепископом Вашингтонским и Нью-Йоркским, Митрополитом всей Америки и Канады.

Вот фрагменты речи, произнесенной новоизбранным предстоятелем Американской православной церкви в конце собора:

«Быть главой значит быть слугой. Как любит говорить владыка Вениамин¹, епископ — не хозяин дома,

¹ епископ Западной епархии ПЦА

он главный слуга. А я главный слуга главных слуг. Но вся ответственность лежит на мне.

Нас ждет много работы. Нам нужно решиться жить так, чтобы наша православная вера определяла всю жизнь, все слова и дела, и это должно стать первой и главной задачей. Все будет зависеть от нашей веры. И я думаю, если у нас это получится, жизнь преобразится. Преобразится и личная жизнь, и жизнь нашего церковного сообщества.

Быть православным это не только что-то делать в церкви, в этом, может быть, всего только 5%. Православие выявляется в том, как мы живем, как мы относимся друг ко другу. Это наше самоотречение и самопожертвование. Это наша способность к выходу за пределы самих себя. И к чему это приводит нас в итоге, как не к обретению полноты личности во Христе? Чтобы нам в общении любви друг с другом становиться теми, кем сотворил нас Бог.

...Мне кажется, опыт прикосновения к святине — не то что бы принижается, но часто игнорируется. Мы бываем так заняты своими текущими приходскими делами: может быть, нужно слепить десять тысяч пирожков для благотворительной распродажи, может, надо организовать церковный фестиваль, или срочно закончить протокол приходского собрания, или протокол Священного Синода, или еще что-нибудь... — и мы настолько поглощены всем этим, что когда входим в храм, больше думаем о том, что нам нужно купить в магазине, или как нам закончить все эти дела, когда еще такая длинная служба... И мы забываем, что вступили в присутствие Бога. Вот корень и основание всей нашей христианской жизни — это осознание присутствия Бога.

Это то, что Отцы называли памятованием о Боге. Это не значит, что нужно держать в голове, что Бог присутствует, это значит, что присутствие Божие является основанием вашего самосознания. Вы знаете, что Он присутствует. И когда мы, успокоив ум и сердце, обретаем такое сознание, тогда Его любовь разливается в нас и преобразует нас. И тогда опыт святости не ограничивается временем нахождения в храме, или молитвы пред иконами, или поклонения святым мощам. Этот опыт святости с нами везде и всегда.

Мы должны и это делать, и того не оставлять. Нам нужна духовная дисциплина, но не как самоцель, а как средство обретения напряжения духовной жизни, очищения и изменения наших душ. Чтобы мы могли активно служить. Потому что иначе — что происходит с нашими служениями? Они превращаются в проекцию нашего собственного «эго». Это мало кому может быть полезно. И меньше всего мне самому.

Наша страна нуждается в том, чтобы услышать Благую Весть. Наша страна нуждается в том, чтобы услышать о покаянии и прощении грехов. И она услышит это только тогда, когда опыт покаяния и принятия Божьего прощения будет стоять за каждым словом, которое мы говорим. Я прошу ваших молитв за себя, за нашу церковь. Отбросьте всякий мрак, горечь, злость, обиду и все прочее, исполните Божием Светом и Любовью. Утишьте ваш ум, утишьте ваше сердце и смотрите, на что вас вдохновляет Бог».

АРХИЕРЕЙСКИЙ СОБОР СЕРБСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ОБРАТИТСЯ К ПАТРИАРХУ ПАВЛУ С ПРОСЬБОЙ НЕ УХОДИТЬ НА ПОКОЙ

Архиерейский Собор Сербской православной церкви обратится к патриарху Сербскому Павлу с просьбой не оставлять своего поста. Как сообщила 12 ноября информационная служба Сербской церкви, такое решение принято в связи с прошением об уходе на покой, подписанным 94-летним предстоятелем в начале октября.

13 ноября трое высших представителей духовенства во главе с митрополитом Черногорско-Приморским Амфилохием посетили 94-летнего Патриарха, уже год находящегося на лечении в столичной Военно-медицинской академии, и сообщили о позиции Собора.

«Его Святейшество со смирением принял решение Собора и благословил его дальнейшую работу», — говорится в сообщении Сербской церкви.

Таким образом, коллизия, вызванная просьбой патриарха разрешить ему удалиться на покой, разреши-

ни человека и к тем областям, где возможна свобода мнений, в то время как такие явления как ересь, нарушения канонического строя в Церкви могут обличаться.

«Кифа»: Но именно после того, как вынесено соборное определение?

О. Всеволод: Понимаете, так или иначе соборное определение тоже выносится по итогам какого-то обсуждения. Если бы в Церкви все молчали по поводу ересей или неканонического поведения, то никакого соборного обсуждения могло бы не состояться, поэтому называть вещи своими именами в ходе дискуссии можно и нужно. Но, как я ещё раз хотел бы сказать, нужно избегать личных оскорблений, развязного, хамского тона, нецерковного по сути, который иногда присутствует в некоторых дискуссиях в интернете. Не нужно смешивать рассуждения об исти-

на. Как это и происходило в последние месяцы, его обязанности будет исполнять Синод, в котором председательствует старший по чести иерарх — митрополит Черногорский и Приморский Амфилохий. При этом Собор принял решение расширить права и полномочия председательствующего в Синоде.

sedmitza.ru

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПОДДЕРЖИВАЕТ БОЛГАРСКИХ РАСКОЛЬНИКОВ

В ближайшее время Европейский суд по правам человека в Страсбурге обнародует своё решение по так называемому «делу Иннокентия». «Митрополит Софийский» Иннокентий — глава раскольниковей церковной группировки, часто именуемой в печати «альтернативным синодом», которая подала в суд на каноническую Болгарскую Церковь после того, как храмы, которые она захватила в девяностые годы, были возвращены законным владельцам.

По сообщению компетентных источников, приговор суда в пользу раскольников был вынесен ещё весной, но его официальное обнародование задержалось из-за замены болгарского члена судейской коллегии — Снежаны Ботушаровой, мандат которой в Европейском суде истек 1 апреля. Её место заняла Здравка Калайджиева, цитирует «Богослов.Ру» сайт «Православие БГ».

В 90-е годы «альтернативный синод» при всесторонней поддержке государства захватил множество храмов в стране и даже получил судебную регистрацию от имени всей БПЦ вместо канонического Священного Синода во главе с Патриархом Максимом. Положение изменилось к лучшему после того, как в начале 2000-х годов к власти пришла партия бывшего болгарского царя Симеона Второго. Тогда был принят новый закон о вероисповеданиях, и Церкви были возвращены захваченное у неё имущество.

Еще до этих событий, в 1998 году, Всеправославный Собор, состоявшийся в Софии, провозгласил удержание раскола в БПЦ и подтвердил легитимность ее священноначалия в лице Священного Синода и патриарха. После этого большинство митрополитов и священников, ушедших в раскол, покаялись и вернулись, сохранив сан, в лоно канонической БПЦ. И все же небольшая группа непримиримых во главе с «митрополитом Софийским» Иннокентием отказалась подчиниться решениям Собора. В июле 2004 года по распоряжению прокуратуры и с помощью полиции захваченные храмы и другое имущество были возвращены Церкви. Тогда же раскольники подали на БПЦ жалобу в Европейский суд по правам человека в Страсбурге.

Раскольники запросили у Болгарской церкви космическую сумму — более чем 700 миллионов евро. Согласно просочившейся информации, суд распорядился, чтобы Синод выплатил 134 миллиона евро раскольникам за якобы упущенные прибыли от отнятого у них имущества, а также в качестве возмещения за неполученные ими за эти годы зарплаты, социальные выплаты и т.д. Ожидают также, что приговор суда обяжет государство зарегистрировать «синод» Иннокентия и вернуть ему храмы и монастыри, захваченные им в 90-е годы.

Недавно один из лидеров раскола священник Камен Баракков заявил по государственному телеканалу БНТ, что, по его мнению, многие священники в стране недовольны своими епископами и ждут только решения суда в Страсбурге, чтобы присоединиться к «митрополиту» Иннокентию. Таким образом, после обнародования этого решения раскол может возобновиться с новой силой. Есть предположения, что к раскольникам могут возвратиться и некоторые епископы и даже митрополиты, которые участвовали ранее в расколе, но покаялись и были прощены.

По мнению бывшего главы Дирекции по вероисповеданиям Ивана Желева, решения Европейского суда по правам человека во многих случаях имеют политическую окраску. «Их цель — показать, что государство всегда виновато. Процесс против болгарского государства и БПЦ ведется не из-за каких-то религиозных или идеальных мотивов, а из-за денег и частных интересов», — заявил он.

<http://www.pravoslavie.ru/>

ДИСКУССИИ УКРЕПЛЯЮТ ЕДИНСТВО ЦЕРКВИ

Окончание. Начало на с.1

циплинарные взыскания. Мнения сегодня высказываются разные. Я не думаю, что кто-то должен или может заставить замолчать некоторых участников дискуссии, но, конечно, и соборная церковная оценка может даваться. Она, в частности, была дана очень определённо в случае с бывшим епископом Диомидом. Если же говорить о самом ходе дискуссии, то, как я уже сказал, должны быть определённые критерии, связанные с христианской нравственностью. Прежде всего, в такой дискуссии не должно быть лжи, не должно быть, как мне кажется, личных оскорблений, относящихся именно к личным сторонам жиз-

В ДЕНЬ ПАМЯТИ ЖЕРТВ РЕПРЕССИЙ В СФИ ОБРАТИЛИСЬ К ЦЕРКОВНОМУ ОПЫТУ ЭПОХИ ГОНЕНИЙ

День памяти жертв политических репрессий в России, 30 октября, был отмечен в Свято-Филаретовском православно-христианском институте (СФИ) встречей, посвященной осмыслению опыта церковной жизни первых лет советских гонений за веру.

Прежде чем говорить об этом опыте, участники вечера обратились к особенностям церковной жизни начала XX в. — «расцвету» предсоборного периода. По словам докладчицы Ольги Филипповой, именно тогда, в условиях живой церковной дискуссии, когда тема соборности носилась в воздухе, вызвали предпосылки возрождения общинной жизни.

Председатель православного братства во имя Новомучеников и исповедников Российских Светлана Чукавина посвятила свое сообщение тем пастырям, которым удалось в условиях послереволюционных го-

нений продолжить опыт названных выше святых и «сделать следующий шаг». «Призыв и опыт священников Алексия и Сергия Мечёвых находит ли сегодня отклик в современной Церкви?» — таким вопросом она закончила свое выступление.

Духовный попечитель Преображенского содружества братств священник Георгий Кочетков в своем выступлении вспоминал об общении с «мечёвским кругом» в 1970-е гг., в частности, с семьей Н.Е. и З.В. Пестовых. Именно благодаря им, их «целостности и верности своим принципам, ответственности друг за друга» у будущего священника возник «четкий ориентир на общинный опыт», который он смог воплотить потом вместе со своими единомышленниками.

(Фрагменты встречи опубликованы на с. 4-5)

В ТОМСКОЙ ЕПАРХИИ ВПЕРВЫЕ СОВЕРШЕНА ЛИТУРГИЯ СВЯТОГО АПОСТОЛА ИАКОВА

В день памяти апостола Иакова, брата Господня по плоти, в Богоявленском кафедральном соборе г. Томска архиепископом Томским и Асиновским Ростиславом с клириками епархии впервые была совершена Божественная литургия апостола Иакова; одна из первых по возникновению чина Литургий Восточного обряда. В богослужении принимали участие студенты Томской духовной семинарии, хор которой специально изучил богослужебные тексты и песнопения для проведения древней Литургии.

Это богослужение несколько отличается от чинопоследований поздних Литургий византийского типа

святителей Василия Великого и Иоанна Златоуста. В Литургии апостола Иакова чтение Священного Писания совершается в центре храма лицом к народу и причащение приобщан совершается отдельно Телом и отдельно Кровью Христовыми, как это было принято до V века.

Литургия апостола Иакова также совершается в Иерусалимской Церкви, первым епископом которой был апостол Иаков, в Санкт-Петербургских духовных школах и в некоторых епархиях Русской Православной Церкви.

<http://www.patriarchia.ru/>

В РОССИИ ОПУБЛИКОВАН ТРУД П.Н. ЕВДОКИМОВА «ТАИНСТВО ЛЮБВИ»

Павел Николаевич Евдокимов (1901—1970) — известный на Западе православный религиозный писатель, богослов «парижской» школы русской эмиграции, преподаватель Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже, доктор философии и богословия. Он представил того поколения православных богословов русского зарубежья, которые творили на языке стран проживания (по-французски) и писали, главным образом, для неправославного читателя.

Его книги — «Достоевский и проблема зла», «Женщина и спасение мира», «Православие», «Богословие красоты», «Таинство Любви» — оказали большое влияние на западную духовность. Он пытался объединить в современной культуре преданность традиции с творческой свободой, смысл церковной тайны с пророческим распознаванием духа течений современной культуры.

Дискурс о радикальном кризисе брака и семьи во второй половине XX века стал вызовом, на который отвечают многие православные богословы и философы. Данный вызов и реалии нового опыта жизни семей стимулируют разностороннее освещение вопросов антропологии брака в Православии. Этой теме посвящена известная книга Евдокимова «Таинство любви. Тайна супружества в свете Православного Предания». После долгих лет забвения ее опубликовало издательство «Лепта».

Впервые труд вышел в Париже в 1944 г. под названи-

ем «Le Mariage, Sacrement de l'Amour». Книга обращена к широкому кругу читателей, интересующихся русским религиозным возрождением середины XX в. и духовными проблемами нашего времени.

Павел Николаевич Евдокимов родился 2 августа 1901 (по другим данным, 1900) г. в Санкт-Петербурге в семье военного. Учился в кадетском корпусе. Поступил в Киевскую духовную академию (1918). Покинул Россию (1920). Выехал в Константинополь, а затем в Париж (1923). Окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже (1928). Участвовал в работе Русского студенческого христианского движения (РСХД). Был женат на Натали Брюнель. Преподавал во французских школах. Доктор философии и богословия; защитил докторскую диссертацию на тему «Достоевский и проблема зла». В годы Второй мировой войны участвовал в Сопротивлении. Один из основателей межконфессионального благотворительного комитета CIMADE (Объединение помощи беженцам) (Франция 1941). Директор студенческого центра CIMADE в г. Севр. С 1953 г. — профессор нравственного богословия в Богословском институте в Париже. Директор Центра франкоязычных православных исследований (Париж). Один из организаторов Всемирной федерации православной молодежи «Синдесмос» (1953). Скончался 16 сентября 1970 г. в Париже.

<http://www.pravkniga.ru/>

В СЕРГИЕВОМ ПОСАДЕ ПРОШЛА МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА В ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ»

Конференция была организована Сергиево-Посадским государственным историко-художественным музеем-заповедником при участии Московской духовной академии. На этот раз она была посвящена 400-летию героической обороны Троице-Сергиева монастыря от отрядов поляков и литовцев в Смутное время, в 1608 году, и шире — церковной и светской культуре XVII — XVIII вв. В стенах Сергиево-Посадского музея-заповедника собрался представительный состав ученых из Москвы, С.-Петербурга, Киева и др. городов всего более 40 чел.

«Иконы Симона Ушакова в Троице-Сергиевой лавре — новизна и верность Преданию» — этой теме был посвящен доклад профессора СФИ А.М. Копировского. В докладе рассматривалось разнообразие иконографий и стиливых подходов к иконописанию это-

го самого известного русского иконописца второй половины XVII века. Как отметил А.М. Копировский, очевидная новизна «живоподобных» икон Ушакова не помешала ему оставаться верным православному Преданию и в понимании сюжета, и в стилистике. Это косвенно подтверждается пребыванием его икон в главных соборах лавры, Троицком и Успенском, — на протяжении уже более 300 лет.

Конференция завершилась круглым столом на тему «Использование результатов научно-исследовательской работы в различных видах музейной деятельности». Эта тема стала в последнее время остроактуальной в связи с действиями Министерства культуры по прекращению в музеях научной работы.

Информационная служба СФИ

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ ПРОШЛА КОНФЕРЕНЦИЯ «ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ШИТЬЯ И СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

В Санкт-Петербурге с 18 по 20 октября в рамках IX Покровских педагогических чтений прошла ежегодная межрегиональная научно-практическая конференция «Традиции древнерусского шитья и современное образование». На конференцию собираются мастера церковного лицевого и золотного шитья, искусствоведы, реставраторы. В этом году доклады участников были посвящены атрибуции памятников древнерусского шитья, размышлениям о месте шитья в храмовом убранстве в Древней Руси и современности, вопросам реставрации и обучения.

На выставке, сопровождавшей конференцию, были представлены большие и малые плащаницы, иконные

пелены, богослужебные закладки, расшитые облачения, выполненные в петербургских мастерских «Покров» и «Убрус», в Свято-Тихоновском и Свято-Филаретовском институтах, в Одесской духовной семинарии и мастерской при иконописном отделении Московской духовной академии. Искусствоведы, хранители тканей, реставраторы из Государственного Эрмитажа, Русского музея, ВХНРЦ им. Грабаря, Третьяковской галереи на этой встрече имели возможность не только услышать о новых научных событиях в музейной жизни, но и увидеть и обсудить новые тенденции в развитии современного церковного шитья.

<http://www.mitropolia-spb.ru/>

Вечер памяти жертв политических репрессий прошел в Твери

«Чтобы вырвать век из плена, чтобы новый мир начать», — эти слова поэта Осипа Мандельштама стали эпиграфом к вечеру памяти жертв политических репрессий. Это событие стало традиционным. Уже третий год подряд в этот день силами Боголюбского и Спасского малых православных братств в Твери проводятся такие вечера.

Вечером 30 октября в одном из залов тверской областной библиотеки им. Горького собралось около ста человек. Среди них много молодежи, студентов. Вечер вели зав. кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин тверского филиала РГТУ, доцент тверского университета Ольга Николаевна Борисова и преподаватель ТвГУ и Свято-Филаретовского института Игорь Михайлович Корпусов.

Началом встречи послужил фильм, в котором перед присутствующими прошли люди, чья судьба была трагически изменена событиями 30-50-х годов. Устроителями была приглашена Елена Николаевна Серова (Москва), которая поделилась воспоминаниями детства, времени, когда репрессиям подверглись ее родители. Другим гостем была Елена Николаевна Образцова — зам. директора музея-мемориала «Медное» по научной работе. Она рассказала несколько историй из судеб простых людей — жителей Тверской области. Уже не первый год работники музея в научных экспедициях собирают свидетельства людей, прошедших через испытания тех лет.

Во встрече участвовали и пришедшие на вечер жители Твери. Многие выходили к микрофону, вспоминали и, волнуясь, говорили о том, что хранилось в предании их семей, делились своими мыслями о происходящем.

Судя по общему настроению в зале, это событие не должно остаться без продолжения. Было решено, что следующая встреча может быть посвящена вопросу, связанному с ценностью человеческой жизни, возможностью существования смертной казни в России.

Игорь Корпусов, Тверь

Возможно ли возвращение практики репрессий?

Мы не гарантированы от возвращения террора, считает протоиерей Александр Борисов, настоятель храма святых Космы и Дамиана в Шубине.

«Практика государственного террора должна быть осуждена представителями всех уровней власти. Государство и общество должны дать исчерпывающую нравственную оценку этому явлению. Нужен своего рода Нюрнбергский процесс, на котором были бы названы и осуждены все преступления советского периода, названы имена всех преступников. А общие и неясные высказывания не имеют смысла. Пока же этого не произошло, возвращение террора вполне возможно», — сказал отец Александр.

Отец Борис Михайлов: Советский патриотизм - возвращение истинного

Трагической датой считает 7 ноября протоиерей Борис Михайлов, настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы в Филях.

«Для меня 7 ноября — это страшный день нашей истории, день чудовищного провала, исторической катастрофы России. И последствия этой катастрофы мы до сих пор не преодолели», — сказал он. — «Можно еще как-то понять людей, воспитанных советской властью, которые отмечают день великой трагедии как праздник. Но мы видим, что этой заразе подвержены и молодые; заразе извращенного патриотизма советского толка, который не предполагает жертвенного отношения к Родине, не превозносит отечество как вершителя исторических судеб. Именно такое самомнение доминировало в советский период, и мы видим его возвращение сейчас», — отметил отец Борис.

Отец Сергей (Рыбко): Никакой гарантии, что репрессии не вернутся, у нас нет

Пока на наших площадях и улицах стоят бесчисленные Ленины, пока карты наших городов осквернены именами убийц и садистов, — террор вполне может вернуться, считает игумен Сергей (Рыбко), настоятель храма Сошествия Святого Духа на апостолов на Лазаревском кладбище.

«Правовое государство у нас еще не построено, сделаны только первые шаги. А при коммунизме было самое настоящее рабство, от которого осталась богатая традиция беззакония. До сих пор чувствуется это наследие коммунистического режима. Все прекрасно знают, какое у нас отношение к закону: прямо по поговорке — «Закон — что дышло: как повернул, так и вышло». В законе написано одно, а в результате его применения часто получается прямо противоположное. Любкой дорвавшийся до власти пренебрегает законом, чтобы набить карманы и удовлетворить свои амбиции», — сказал отец Сергей.

«Для того, чтобы наладилась нормальная жизнь, должно пройти какое-то время, должно вырасти по крайней мере целое поколение, не знавшее эпохи беззакония», — заключил священник.

Regions.ru

В ноябрьском номере невозможно не вспомнить так страшно перевернувшие всю жизнь страны события, которые вот

уже почти сто лет связаны со словом «ноябрь». Над ними нельзя не задумываться до тех пор, пока мы не преодолели их последствий,

пока не найден нами путь подлинного примирения и согласия с Богом и друг с другом...

ВЕСНА ЦЕРКВИ РУССКОЙ

Мы публикуем небольшой фрагмент из многопланового материала прошедшей 30 октября 2008 г. встречи «Обновление внутрицерковной жизни в условиях гонений в XX в.» (новость о встрече см на с.3). Встреча была организована силами трех малых православных братств — Крестовоздвиженского, Покровского и братства во имя Новомучеников и исповедников российских. В материал вошли те части выступлений, которые касались лишь одной из затронутых тем — темы возрождения общинно-братской жизни в Русской церкви. Готовится к изданию полный текст встречи, который, как мы надеемся, будет опубликован в ближайшее время отдельной брошюрой.

Сергей Озерский, председатель Крестовоздвиженского братства (Москва). Дорогие братья и сестры, мы начинаем нашу встречу, посвященную разговору об опыте обновления внутренней жизни церкви в эпоху гонений. Мы приурочили этот разговор к сегодняшней дате не случайно. Вы прекрасно знаете, что сегодня по всей стране проходят мероприятия, посвященные дню памяти жертв политических репрессий. История празднования этого дня началась в 1974 году, когда заключенные мордовских и пермских лагерей объявили голодовку, с одной стороны, вспоминая тех, кто стал невинными жертвами советского режима, с другой стороны, протеста против произвола и насилия. И в дальнейшем этот день — 30 октября — стал национальным праздником, с 91-го года он отмечается как день памяти жертв политических репрессий, так что, конечно, не случайно мы собрались именно в этот день. Я думаю, что в нашей стране репрессии не обошли ни одну семью. Прямо или косвенно все мы оказались так или иначе ими затронуты. Ведь пострадали все социальные слои. Но мне кажется, здесь есть одна проблема, с которой мы столкнулись, побывав вчера со Светланой Олеговной Чукавиной в государственном музее истории ГУЛАГа. Когда мы входили в музей, то увидели еще перед входом большие портреты людей, и было удивительно, что в одном ряду висят портреты Кирова, Бухарина, Тухачевского — и тут же о. Павла Флоренского, Вавилова, Мандельштама и Мейерхольда. Возможно, это было сделано намеренно, чтобы изобразить примирение всех перед лицом смерти, но мне кажется, что для нас, христиан, такая «уравновешенка» не очень приемлема. И, более того, не очень понятно, какие есть основания для того, чтобы говорить о таком примирении и согласии. Мне кажется, что при таком подходе какие-то вещи нивелируются.

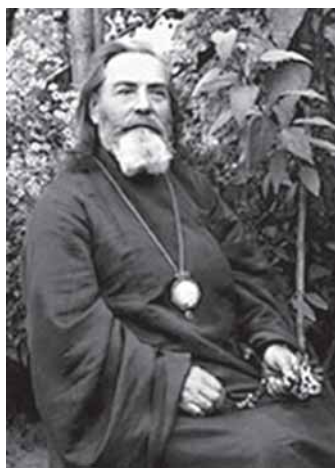
И еще одно: я сегодня смотрел телерепортажи, которые были посвящены тому, как отмечается этот день в разных местах нашей страны. И корреспондент почему-то говорил исключительно о сталинских репрессиях. Но совершенно очевидно, что репрессии начались с первых дней революции, особенно если мы говорим о репрессиях в отношении церкви — иерархии, духовенства, мирян. Всем известно, что само празднование памяти новомучеников и исповедников Российских было установлено уже в восемнадцатом году — Поместным собором, когда пришли известия о гибели митрополита Киевского Владимира и других священников и епископов, когда в разных местах нашей страны уже пролилась кровь. И ленинский период был отмечен репрессиями, и, безусловно, время правления Сталина. Мы можем говорить о репрессиях и в хрущевские времена — вспомните хрущевское гонение на церковь, и в последующие годы. Недавно отец Георгий Кочетков вспоминал Бориса Талантова, известного человека, который пострадал за свою веру и был осужден в 69-м году. Для тех, кто не знает этого имени, я буквально в двух словах скажу, что это был преподаватель математики из Кирова, из Вятки, — человек верующий, дерзновенный, который смело действовал и направлял в центральные газеты открытые письма, которые потом передава-

лись по радио «Свобода» и благодаря этому стали известны на Западе. Он говорил о необходимости обновления церковной жизни, обличал недостатки жизни клириков и мирян, протестовал против закрытия церквей. У него была даже целая программа, в которой говорилось и о необходимости перевода богослужения, и о необходимости создания общин и братств. В 69-м году он был осужден, попал в заключение, где и умер, уже будучи пожилым человеком, в 72-м году. Можно вспомнить и Александра Огородникова, который в 78-м году попал в тюрьму за организацию христианского семинара и провел там девять лет, и Павла Проценко, который в 86-м году, уже при Горбачеве, был осужден за веру.

Говоря об этом — беспрецедентном в мировой истории после первых веков христианства — периоде гонений, мы можем сказать, что он озаменован не только огромными жертвами и мужеством верующих людей, но и тем, что в церкви появился какой-то новый опыт, который, может быть, еще не очень известен, но который может стать залогом будущего возрождения церкви. Вот об этом опыте мы хотели бы сегодня поговорить. Потому что наше почитание памяти новомучеников и исповедников должно быть, прежде всего, вхождением в их живой, творческий опыт, который они завещали нашей церкви, и нашим христианским долгом является исследование этого опыта и стремление воспринять его в своей жизни.

Ольга Филиппова, бакалавр богословия: Я попробую кратко описать состояние церкви начала XX века, коснувшись, в первую очередь, попыток устройства приходской жизни в предсоборный период и мнений и решений Собора 1917-18 гг. на этот счет. Также хотелось бы сегодня вспомнить многих и многих людей, которые были активными участниками предсоборного движения и Собора 1917-18 гг. Практически все они погибли. Многие из них угодили Богу, приняв на себя мученичество и свидетельство веры.

Начало XX в. — это время активности и воскрешения церковной жизни, время открытого обсуждения церковных проблем как в прессе и обществе, так и, например, в архиерейской среде. Это время поиска новых стезей жизни церкви, в которых уровень и свобода богословской дискуссии — просто поразительны. С другой стороны, это время, когда страна была на небывалом экономическом подъеме, уже встретившись с революционными брожениями 1905-1907 гг., поводом для которых послужила неудачная война с Японией. Грамотных в России на тот момент, т. е. тех, кто просто умел читать и писать, — 20%. Чем еще характерен этот период? Тем, что масса народа хлынула из

Митрополит Арсений (Стадницкий)

деревень в разрастающиеся города и тем самым устоявшаяся веками каноническая граница прихода пошатнулась. Люди столетиями сидели в своих приходах, а теперь в городе стало непонятно, членом какого прихода ты являешься и являешься ли ты членом какого-то прихода вообще. Переезды из города в деревню, из одной части города в другую создавали ритм жизни, не совпадавший с церковным календарем. И с этой точки зрения можно говорить об одновременном упадке церковной жизни, особенно на уровне прихода. В связи с этим (и не только с этим) очень многие говорили о

соборности, о необходимости ее возрождения в церкви. Вот мнение архиепископа Агафангела (Преображенского): «Все чаще и чаще слышатся упреки и обвинения православной церкви в том, что общественная жизнь отошла от ее влияния, устраивается и обычно течет, не справляясь с правдой Христовой и жизнью церковной. Главную причину этого печального явления нельзя не видеть в устранении начала соборности и замене началом бюрократическим, бумажно-канцелярским, погасившим живой дух в церкви. Поэтому, если омертвление церковной жизни объясняется уклонением от начала соборности к началу бюрократическому, то спасение должно заключаться в возвращении к началу соборности. Только восстановление начертанного канонами строя церковного самоуправления может обеспечить церкви правильную жизнь». Об этом говорили многие, например, новомученик свт. Арсений (Стадницкий): «Замечаемые ныне нестроения в церковной жизни происходят, главным образом, от одного источника — уклонения от лежащего в самой основе церковной жизни начала соборности, которое выражает самую суть внутренней жизни, внутреннего устройства и управления единой Святой Соборной и Апостольской Церковью».

В большинстве дискуссий возрождение прихода связывалось с возрождением приходской общины. Вот одно из характерных мнений: «По идее, приход должен представлять из себя общину, тесно сплоченную единством веры, взаимной любви и благорасположения всех членов между собой. Это едва ли не самое лучшее человеческое учреждение, где все классы народа, без различия званий и сословий, могут получать удовлетворение своим религиозным потребностям, и нравственно совершенствоваться. На самом же деле, наш приход в настоящее время превратился в случайное собрание различных лиц около своего храма. Он стал только территориальной единицей без всякого влияния на жизнь общества», — пишет еп. Иннокентий (Беляев). Как кажется, еще один важный момент появляется в этот период: мнение о том, что должны существовать такие братства, такие союзы христиан, которые не привязаны к какому-либо приходу, не привязаны к какой-либо территории. Об этом писал, например, митр. Владимир Богоявленский, первый архиерей-новомученик. Об этом же говорил будущий патриарх Тихон, служивший в то время в Америке, описывая жизнь американской православной церкви: «В каждом приходе есть братство, а во многих приходах и по несколько братств. Братство обязательно носит церковный характер, выбирает какого-нибудь святого или праздник в покровители. Из своих доходов делает отчисления на содержание церкви, священника, школы, на ремонт и украшение храма. Кроме того, оно преследует и благотворительную цель, выдает пособие своим членам в случае болезни, увечий, безработицы. При братстве бывает и полюбовный суд членов. Вообще, братства здесь очень популярны, и вместе с православным обществом взаимопомощи, в котором они объединяются, и которое тоже от себя помогает при постройке церквей и в просвещении народа, много способствуют оживлению церковно-приходской жизни».

В заключение мне хотелось бы привести ещё одно свидетельство — протопресвитера русской армии и флота Георгия Шавельского. Надо сказать, что это человек, который не очень-то склонен к комплиентам. Вот что он пишет о церкви 1916 г.: «Только незнакомый с русской церковной православной жизнью может думать, что за последнее десятилетие не сделан никакой шаг вперед. Перелом в церковном деле в последнее время произошел, и перелом очень большой. Я помню еще время, когда во всех почти сельских церквях одинаково гнусавили дьячки, когда хоры в церквях были редкос-

Старая Россия

Недавно на киноэкраны нашей страны вышел фильм «Адмирал», посвященный Александру Васильевичу Колчаку (1873-1920) — российскому военачальнику, полярному исследователю, гидрологу, с 1918 г. — адмиралу. Не вдаваясь в подробности его биографии, как и в оценку фильма, хочу рассказать о небольшой дискуссии, которая состоялась у нас по этому поводу во время огласительной беседы.

Во-первых, для многих уже тот факт, что в фильме А.В. Колчак был показан как верующий христианин и вообще что-то говорилось о вере, был если не потрясением, то, по крайней мере — чем-то удивительным. А я подумал, что для людей старшего поколения, заставших хотя бы «расцвет застоя» при Брежневе — не говоря о тех, кто смог узреть и более древние времена — наверное, удивительным показалось бы другое: что этот человек оказался просто живым человеком. Ведь в те годы фамилия «Колчак» (как и еще несколько других: «Врангель», «Шкуро», «Деникин» и т.п.) была даже не совсем фамилией, — скорее именем нарицательным, обозначающим страшного, но безликого врага. А то,

что у него может быть биография, научные(!) достижения, мужество, совесть, любовь, наконец, — как-то не предполагалось, точнее, об этом было невозможно говорить. Совсем не потому, что запрещали, — никто не запрещал, но даже сама мысль об этом, как правило, в голову не приходила. И вот с экрана на вас смотрит невероятно обаятельный, привлекательный, умный, храбрый и т.д. и т.п., а, в конце концов — вероломно убитый без суда и следствия человек, и он и есть Колчак... Есть от чего придти в замешательство.

Но самым интересным было даже не это. У оглашаемых возник вопрос: как относиться к очевидному нарушению им 7-й заповеди — ведь он же православный христианин? При том, что его ситуация выплывает на экраны вполне естественной и более того, — привлекательной!

Здесь разговор уже совсем отделился от фильма, поскольку речь пошла о норме поведения в христианском (или называвшим себя христианским) обществе — так это была норма? Или ее нарушение? Пришлось честно сказать, что, скорее всего, увы — норма. Что нормальным (по крайней мере, в сознании многих) было, с одной стороны, вполне искреннее православие, причем не «православная культура», — именно вера, молитва, почитание святых. А с другой — столь же

нормальным было искреннее доверие к своим и чужим чувствам, мыслям, оценкам. И если второе не совпадало с первым, то первое отодвигалось в сторону без больших утрат совести... В итоге «нормой» стало (в целом, конечно, я не говорю об отдельных, даже, наверное, не таких уж редких людях, живших более или менее целостно) именно это раздвоение, что-то вроде духовной шизофрении, хотя и очень красивой внешне и в переживаниях. А это значит, что старая Россия была обречена, поскольку, как говорит Евангелие, «разделилась сама в себе» не только на знатных и простецов, богатых и бедных, образованных и необразованных, но и на верных Богу и верных любому духу, который был так похож на ангела света ... Да почему только похож? Наверное, это он и был. Но если такого ангела уравнивать с Богом, результат будет немногим отличаться от следования тому, кого поэт назвал — «дух отрицания, дух сомнения»...

Вот такая получилась у нас неожиданная беседа. Может быть, эти пост-адмиральные размышления будут кому-то близки, кто-то разовьет или, напротив, опровергнет их. В любом случае, возникший почти случайно, как проходной, разговор о фильме коснулся не просто живой, а остающейся более чем острой темы — всегда ли не безобразно то, что «естественно»?

Александр КОПИРОВСКИЙ

тью, о которых кричали всюду, когда батюшки в храмах или хронически молчали или перечитывали в назидание своим пасомым печатные листки, когда все служение священника ограничивалось совершением богослужений в храме и треб по домам. А в последние перед революцией годы едва ли находились на Руси храмы, где бы не раздавалось хоровое пение, устная проповедь вслед за богослужением стала обычным и даже обязательным явлением, появились тысячи разных церковных братств и обществ, иногда насчитывающих десятки тысяч членов».

Неслучайно после призыва патриарха Тихона в начале 1918 г. о соборании народа Божьего, о том, чтобы люди объединялись в братства, советы с тем чтобы противостоять давлению власти, эти объединения верующих стали очень быстро появляться по всей стране. И произошло это потому, что в нашей предреволюционной церкви уже был сродный опыт.

С. Озерский. Мне кажется важным, что те преобразования, которые и предлагались, и чаялись, и обсуждались и в предсоборное время, и на самом Соборе, были не кем-то навязаны церкви, а рождались изнутри церкви. Это, собственно, и была осуществленная соборность. При этом люди могли друг с другом не соглашаться. Даже известный вопрос о восстановлении патриаршества остро дискутировался. И были те, кто выступал за восстановление патриаршества, были противники восстановления патриаршества, которые приводили свои доводы. Но важно, что люди общались, обсуждали и свободно высказывали свои мнения.

Светлана Чукавина, председатель братства во имя Новомучеников и исповедников российских (Москва): Мы хотели бы сегодня продолжить наш разговор о трех священниках, которым выпало служить уже в послереволюционное время. И поговорить о том, что произошло в церкви после революции, об этом времени — приблизительно до конца 20-х годов, — которое сейчас иногда даже называется церковным ренессансом. Это было такое время, когда, с одной стороны, в нашей стране начались тотальные гонения на церковь. Они включали в себя и физическое уничтожение верующих, и давление, и вмешательство во внутрицерковную жизнь, и организацию расколов, и многое другое. А с другой стороны, эти годы дали русской церкви удивительных пастырей, удивительных церковных людей, которые смогли продолжить и развить образовавшийся в начале XX века новый опыт. Но самое удивительное то, что они смогли сделать следующий шаг в направлении того, о чем думали и многие иерархи русской церкви, и священники, и просто думающие верующие люди. Мы сегодня хотели бы поговорить о сщмч. Сергии Мечёве, об архим. Сергии (Савельеве) и сщмч. Анатолии Журавском. Вы знаете, что и отец Сергей Мечёв, и отец Анатолий являются новомучениками, уже прославленными в церкви, отец Сергий (Савельев) — исповедником веры, т.е. они засвидетельствовали свою верность Богу и Церкви. И поэтому мы можем сегодня очень серьезно отнестись к тому опыту их жизни, их пути в церкви, о котором будем сегодня говорить.

С одной стороны, опыт каждого из них совершенно уникален, потому что они жили и служили в совершенно разных местах и при различных обстоятельствах. С другой стороны, как это ни странно, оказалось, что в этом опыте есть много общего, а значит — не случайного. Да, многое было подготовлено предреволюционным временем, но, вероятно, в опыте лучших священников русской церкви — самых активных и пытающих что-то реально делать — смогло воплотиться еще и особое откровение Божие о путях жизни церкви. Мы не ставим сегодня своей целью рассказать об этих людях, их пастве, их общинах подробно, рисуя их портреты, потому что сейчас литература о них уже все-таки есть, и я надеюсь, что почти все мы как-то с ней знакомы. Поэтому нам хотелось бы прежде всего постараться проанализировать их опыт и понять, что же в нем было явлено для русской церкви, а значит, и для нас. Я постараюсь очень коротко рассказать о пути отца Сергия Мечёва и о покаяльно-богослужебных семьях, которые образовались вокруг мечёвского прихода. Но сначала мне бы хотелось назвать те общие черты, которые невольно бросаются в глаза даже при простом собирании самой доступной информации.

Во-первых, всем общинам, связанным с именами пастырей, о которых я буду говорить, была свойственна такая черта: в центре их жизни было Евангелие и живое общение со Христом. Может быть, это довольно странные слова — ведь что может быть еще другое в центре жизни священника и паствы, в центре жизни общины? Но, тем не менее, формализация жизни церкви, в том числе и приходской, часто была так сильна, что эти слова можно было бы сказать совсем не про всех верующих людей. А в жизни этих людей это действительно было так. Это выражалось в совершенно конкретных вещах. В том, что Евангелие просто читалось, причем это было обычно ежедневное чтение — в разном опыте было немного по-разному, но Евангелие было той книгой, с которой эти люди не расставались. Звучала проповедь. Все три священника были замечательными проповедниками — к счастью, проповеди их сохранились, и мы можем об этом судить. Это не сухие академические проповеди, это живое слово, которое питается Евангелием и дает возможность людям укрепиться в пути евангельском, который открывается в Писании. Участие в таинствах церковных, прежде всего в таинстве Евхаристии и в таинстве исповеди, было постоянным и неформальным. Живая молитва пронизывала жизнь общин и в храме, и во внехрамовое время.

Вторая черта, которую мне бы хотелось отметить, —

Отец Сергей Мечёв с братией и прихожанами храма

это, собственно, собирание в общину. Этот путь тоже был очень разный: был путь вырастания общины из прихода, а был путь собирания общины, не связанной ни с каким приходом, и наоборот, путешествующей по разным приходам и как бы оживляющей жизнь разных приходов, за которые община брала ответственность. Вот это собирание в общину, конечно, тоже выражалось очень конкретно — в том, что рождавшаяся община расценивалась как общий путь, выбранный всеми сознательно. Общий путь людей, которые хотели жить в церкви вместе, которые хотели друг другу помогать, иметь силу для молитвы, иметь силу для служения ближним и церкви. Этот путь выражался в том, что проводились совместные встречи с чтением или Писания, или святоотеческой литературы, с совместной молитвой, с реальной взаимопомощью, которая была очень необходима в эти годы людям.

Третья черта — то, что в составе этих трех общин (это тоже очень показательно) оказалась интеллигентная молодежь. Священники проповедовали, свидетельствовали и призывали в церковь людей, которые, по слову архим. Тавриона (Батозского), могли не только собраться в церковь, но и кого-то еще собрать, научить и что-то сделать для церкви. Конечно, это было обусловлено и самим временем, когда — это тоже известный факт — интеллигенция после революции вернулась в церковь, причём в массовом количестве. Это был возврат в отеческий дом, когда вдруг церковная жизнь стала людей интересовать, и не только как прибежище от бедственной жизни, которая окружала их, но именно по внутреннему зову сердца. Люди часто приходили в храм, не имея никакого церковного опыта, и хотели в нем разобраться. Многие шли от культуры, от философии, но не останавливались на этом, а приходили к живой церковной традиции, к которой хотели быть причастными, а не только изучать её в академическом аспекте.

Следующую черту я бы охарактеризовала как обновление храмового богослужения. Для общинников было принципиально участие всех членов общины в богослужении, соучастие с предстоятелем, со священником, обращение к различным богослужебным пластам — и очень древним, связанным с общехристианским опытом, и к древнерусскому опыту, к тем пластам, которые всё равно выходят за границы собственно синодального периода, т.е. опыта более родного, что ли, для самой церкви. Там они черпали многие формы богослужения, которые восприняли и творчески применили в богослужебной жизни.

Жизнь общинников характеризовалась очень серьёзной установкой на внутреннее делание — молитвенное, покаянное. Велись духовные дневники, обращались к Иисусовой молитве. Покаяние было той стороной жизни, которая давала человеку духовно расти и продвигаться вперёд. Нельзя не отметить и то, что, войдя в церковную ограду, эти люди понимали, что они имеют очень серьёзную ответственность за тот опыт, который они хотели воспринять. Это была ответственность за церковь, за её традицию и наследие, за сохранение традиции церкви, за священников, которые окормляли паству, друг за друга.

Я бы ещё отметила такую черту, свойственную этим людям, как постоянное духовное самообразование. Конечно, никаких духовных учебных заведений в те времена очень быстро не стало, хотя какое-то время они и были, но тем не менее углубление в традицию путём самообразования было возможно.

Еще одна важная черта — стремление к воцерковлению всей жизни, к преодолению той раздвоенности жизни, которая так была свойственна верующим людям перед революцией, когда жизнь делилась на храмовую и обычную. После катастрофы 1917 года стало ясно, что это не может так продолжаться, воцерковление всей жизни должно в реальности осуществиться.

Я не претендую на полный охват, я говорю лишь о том, что видно сразу и чем надо сейчас заниматься церкви, что собирать для своего опыта жизни сегодня. Но последнее, что бы я отметила, — то, что все общинники из тех общин, о которых мы будем говорить, и их пастыри воспринимали революцию как Суд Божий, как ответ за грехи и народа, и церкви, которая не могла руководить народом духовно и нравственно. Здесь можно вспомнить слова о. Тавриона (Батозского), который совершенно в унисон с этими пастырями говорил, что революция в России могла произойти потому, что не читали Евангелие. Это была общая мысль, рождавшаяся

совершенно отдельно у этих трёх пастырей и в этих трёх общинах.

Теперь я напомним опыт о. Сергия Мечёва и его покаяльно-богослужебной семьи. Отец Сергей из всех троих был единственным потомственным священником (и архим. Сергий, и отец Анатолий не имели никакого отношения к священническому сословию). Отец Сергей, напротив, был сыном о. Алексия Мечёва, известного московского священника, старца, у которого был приход свт. Николая в Клённыхках (на Маросейке), очень знаменитый к тому времени, когда о. Сергей стал взрослым церковным человеком и потом священником. Во многом о. Сергей продолжал дело о. Алексия, в т.ч. он продолжал дело создания духовных семей, или групп, как они по-другому назывались, которые существовали ещё при отце Алексии.

Это были небольшие группы, которые отец Алексей благословлял встречаться довольно часто, иногда даже раз в неделю, для того чтобы читать духовную литературу и молиться. Он сам к ним приходил домой и участвовал в их беседах. Конечно, эти группы все состояли из прихожан мечёвского храма, и здесь мне хочется предоставить слово самому о. Сергию, который в одной из поздних своих проповедей замечательно определил то дело, которое его отец смог в церкви сделать: «В своё время среди московского духовенства батюшка стоял на особом месте. Было принято, что есть два способа спасения, два пути: путь жизни в миру и путь иноческой монастырской жизни. Путь иноческий обычно рассматривается как ведущий к отречению от мира, изымающий человека от мира и поставляющий его в иные условия. Во-первых, это особый мир богослужения, молитвы, а затем — духовного руководства, покаяния и послушания. И был другой путь, который в известном смысле кажется для многих путём лукавым, — путь спасения в миру, в приходских храмах, где есть «собственное делание». В монастыре, мол, монахи совершают подвиги и дела, а наше дело — «помнить день субботний во еже святити его». Если в воскресный день приходской храм собирает верующих, то это и есть великое делание, которое заменяет для мирян делание монаха. В другие дни мирянину можно в храм и не ходить. Так и поступали: ходили в праздничные дни в храм, этим всё ограничивалось. С этим воскресным хождением в храм не было никакой связи у остальных дней. Кроме того, мы знаем, что в наше время богослужение в приходских храмах в значительной степени искажено: одна праздничная служба, одно богослужение похоже на другое. Всё то, что затрудняет и не развлекает, опускается, а взамен вставляются совершенно не подходящие по ходу богослужения концертные песнопения. Так из богослужения делается приготовление не к вечности, а к той же самой мирской жизни, от которой должен бежать христианин, в отношении которой он должен стать *премирным*.

Отец Алексей часто говорил, что его задача — устроить мирской монастырь или монастырь в миру. Все же не для одних иноков открыт путь спасения, он должен стать достоянием всех христиан. Надо в миру жить *премирно*, пользоваться им, по слову апостола, как бы не пользуясь. Тем своим духовным детям, которые просили благословения на поступление в монастырь, батюшка часто говорил: «Погоди, у нас свой монастырь будет», имея в виду не монастырские стены, а паству-семью, находящуюся под единым духовным руководством и связанную узами любви. В ней каждый человек живёт как обычный мирянин и в душе общества, но в душе работает Богу, стремится к выполнению обетов крещения и к соблюдению заповедей Божьих, к святости, обожению».

И вот отец Сергей, продолжая дело отца, в конце концов оказался в ситуации, когда ему пришлось принять паству о. Алексия после его смерти. Он не сразу решил рукополагаться, потому что разбирался сам с собой. Но всё же он был рукоположен в дьякона и в священника в 1919 году, когда уже было всё понятно об отношении государства к церкви. Конечно, он шёл на путь исповедничества и мученичества сознательно, так же, как и многие другие пастыри, которые рукополагались в эти годы. На о. Сергия свалилось бремя окормления духовных чад о. Алексия. Это было много людей, которые привыкли к вниманию отца Алексия, к частому с ним общению, к частой исповеди, к неформальным отношениям. Отец Сергей, с одной стороны, очень долго входил в контакт со своей доставшейся ему в наследство паствой. С другой стороны, он стал священником молодых людей, которые пришли в церковь и пришли уже собственно к нему, а не к отцу Алексию. В основном это была интеллигентная молодежь, которая приходила из богословских кружков. В одном из кружков отец Сергей участвовал сам, когда ещё учился в университете на словесном отделении филологического факультета. Другой, организованный по просьбе студентов МГУ, филологов и философов, которые хотели изучать святых отцов, он вел сам. Из этого кружка почти все стали прихожанами маросейского храма и духовными чадами отца Сергия. Приходили люди из интерконфессиональных кружков по изучению Евангелия, образованных бароном Николаем, основателем Русского христианского движения, которое мы в основном знаем по эмиграции. Духовные дети отца Сергия были молодые люди из университетских кругов, которые как раз в эти годы искали церкви и пришли при помощи отца Сергия в церковь.

Они продолжили традицию Маросейки, собирались в духовные семьи, общины, которые так же, как при отце Алексии, встречались, читали духовную литературу или Писание, молились. Отец Сергей тоже ходил на эти встречи. При отце Сергии количество этих кружков увели-

Окончание на с. 6

Весна церкви Русской

Окончание. Начало на с.4-5

чилось, и паства увеличилась. В этих группах были люди, которые по благословению отца Сергия поставлялись на служение старших. Эти люди были старшие или по возрасту, или по церковному опыту, по какому-то авторитету в общине. Они брали на себя часть пастырских задач, которые лежали на отце Сергии. Он считал, что паства должна разделять пастырские труды своего отца. Старшие помогали советом, подсказывали, как выбрать литературу для чтения, направляли к о. Сергию тех, кто находился в искушениях или тяжелых обстоятельствах. Большое внимание на Маросейке, как и при о. Алексии, уделялось богослужению. Благодаря о. Сергию был организован семинар по Уставу, который вел один из участников Поместного собора 1917 г. — Андрей Гаврилович Кулешов. Это очень повлияло на само богослужение, которое как бы все более открывало молящимся основные свои смыслы. Несколько раз в году на Маросейке даже проводились всенощные, которые действительно длились всю ночь и заканчивались ранней литургией и агапой, трапезой христианского общения и любви, на которой собирались все, кто участвовал в богослужении.

29 октября 1929 г. о. Сергий был арестован и после серии повторных арестов расстрелян в ярославской тюрьме в июле 1941 г. Сохранилось пять общих писем от него из заключения к своей пастве, «соборных посланий». В одном из них он писал:

«Найдите в своей жизни источник нечистоты, вызвавший необходимость очистительных страданий, вам ниспосланных. Пересмотрите отношение к покаяльной семье своей: не вы ли грехами своими привели ее к разделению? Понимали ли вы по-настоящему, что такое покаяльно-богослужбная семья, сознавали ли, как добро и красно жить в ней вкупе? Исполняли ли свои обязанности по отношению к ней и к отдельным ее членам? Или, связанные с отцом, вы зачастую отделяли себя от семьи, не служили ей, осуждали ее, поносили ее, забывая, что это наша общая семья, пусть самая последняя из всех семей Господних, но наша? Господь сочетал нас в ней воедино, в ней мы родились духовно, в ней воспитывались, в ней купно живем. С ней, не иначе, пойдём и туда, к Богу...»

Последнее письмо к пастве было написано тогда, когда уже был закрыт и разорен маросейский храм: «Суд Божий совершается над церковью Русской. Не случайно отнимается от нас видимая сторона христианства. Господь наказует нас за грехи наши и этим ведет к очищению. Совершающееся неожиданно и непонятно для живущих в миру. Они и теперь еще стараются свести все к внешним, вне Церкви лежащим причинам. Живущим же по Богу все давно было открыто.

Многие русские подвижники не только предвидели это страшное время, но и свидетельствовали о нем. Не во внешнем усмотрели они опасность для Церкви. Они видели, что истинное благочестие оставляет даже иноческие обители, что уходит дух христианства неприметным образом, что наступил уже самый ужасный глад — глад Слова Божия, что имеющие ключи разумения и сами не входят, и возбраняют вход другим, что при кажущемся внешнем благоденствии монашество, а затем и христианство, — при последнем издыхании. Оставлен путь опытного делания, путь, по которому прошли отцы древности и который запечатлен ими в писаниях их.

...Особые скорби, небывалые напасти — удел наших дней. В покаянном преодолении их — смысл нашей жизни. Множество храмов рукоотворных, благолепно украшенных, было открыто столетиями, и в то же время величайшее множество храмов рукоотворных в мерзости запустения пребывали заключенными. Ныне храмы, воздвигнутые руками человеческими, разрушаются, но в покаянной тоске по ним поднимаются храмы, созданные руками Божиими. Огонь смиренного мученичества вспыхивают повсеместно, особенно на далеких окраинах. Голодные, оборванные, дрожащие от холода, изолированные от мира, на голой земле, на снегу или в случайных избах, без гробов и священного напутствия умирают иереи, иноки и верные.

В покаяльных храмах отходящих душ их возносятся ими молитвы за грехи всей церкви, возлюбившей внешнее паче внутреннего и обряд больше духа — церкви, не нашедшей в себе, даже в годину исключительных бедствий, целительных слез покаяния.

Войдем, родные, и мы в клеть душ наших, войдем в храм наш душевный, посвященный Господу еще в момент Крещения и освещенный Им в момент первого Причащения. Храм этот наш никто никогда не сможет его разрушить, кроме нас самих. В нем мы каждый — иерей и кающийся. Жертвенник его — сердце наше, и на нем мы можем приносить всегда в слезах наших великое таинство покаяния. Трудно нам, запустившим наш храм невидимый и недостойно жившим только храмом видимым, принять от Господа новый путь спасения.

Восплачем и возрыдаем, но не слезами отчаяния, а слезами покаяния, примем все, как заслуженное.

Разве не Господь посылает это? Разве лучшие из нас не вступили давно на этот путь? Надолго или совсем — Одному Господу известно — уходит от нас видимая сторона христианства.

Большая чуткость духовная дана вам от Господа. Сердце ваше привело вас не туда, где блистало великолепие службы, где звучали изысканные мелодии, где раздавались искусные проповеди. В маленький убогий храм вошел в свое время каждый из вас и в нем почувствовал правду святоотеческого пути. В наступившем было весну церкви Русской вы явились делателями в Ее винограднике. С каким самоотвержением отдали вы свою молодость, свои зрелые годы, свои старческие силы на устройство храмов жизни покаяльной семьи нашей! Вы не только живые свидетели, но и участники последнего озарения угасающего по воле Божией светильника церкви Русской. В грядущем страшном испытании Церкви Христовой молю Господа, Его Пречистую Матерь и святых угодников наших, чтобы они нашли вас истинными делателями виноградника Христова.

Родные мои, являю себя во всем как служители Божии, в великом терпении, в нуждах, в тесном обстоянии, под ударами, в немощах, в изгнании, в трудах, во бдении (2 Кор 6: 5).

Бог же терпения и утешения да дарует вам быть в единомыслии между собой»

ФИГУРЫ ВЫСШЕГО ПИЛОТАЖА

Мы продолжаем публикацию фрагментов статей сборника ««Школа конфессиональной журналистики «Вода живая»: Материалы семинаров 26-28 мая 2008 года»

Интервью (от английского «interview» - беседа) — одна из самых востребованных форм работы в современных СМИ. Интервью — это и основной способ получения информации (той информации, которая будет затем представлена в новостях, репортажах, статьях, очерках), и самостоятельный литературный жанр, особенность которого — в традиционной композиции «вопрос-ответ». По понятиям пишущего сообщества сегодня интервью считается «высшим пилотажем» в журналистике. Именно через интервью добывается самая свежая, яркая, острая информация. Именно интервью, как правило, является центральной, «ударной» публикацией в большинстве газет и журналов.

Преимущество интервью — в том, что оно позволяет сделать материал предельно доходчивым. Иными словами, сказанное героем интервью, как правило, вызывает у читающей публики больше доверия, нежели сказанное от лица журналиста или редактора издания. Это достигается и благодаря стилизованности текста интервью под устную, разговорную речь, и благодаря тому, что герои интервью — как правило, люди, обладающие заметным авторитетом в обществе, к мнению которых читатель склонен прислушиваться. Фразы из хороших интервью нередко тиражируются в новостях и аналитических публикациях, они в некотором роде «западают в сознание» и авторам, и читателям. Поэтому интервью — самый эффективный механизм воздействия на общественное мнение, который может использовать СМИ.

Однако не все СМИ в полной мере пользуются такой возможностью. И тут приходится признать, что интервью — один из наименее развитых жанров в современной церковной прессе. Опустим сейчас разговор о причинах (думаю, основная из них — инерция, привычки советского времени, не более того). Констатируем факт: тексты интервью в большинстве приходских и епархиальных изданий до сих пор гораздо слабее, к примеру, новостных и аналитических публикаций. В них слишком много следов прежнего советского «официоза», слишком мало свежей информации, живой речи, нестандартного взгляда на предмет. Наконец, они слишком бессвязны и подчас напоминают просто опубlikованную анкету героя интервью, а не запись беседы одного человека с другим.

Тем не менее, есть основания надеяться, что в скором времени ситуация изменится. Ведь на самом деле научиться брать интервью очень просто. По сути, искусство интервью — это искусство общения, искусство задавать вопросы и слушать ответы, и здесь можно предложить ряд конкретных советов.

...Задавая вопросы на встрече, журналисту всегда хорошо быть подготовленным. Это не означает, что все вопросы должны быть записаны заранее в столбик в блокноте — с тем, чтобы потом корреспондент просто зачитал их по очереди своему герою. Совсем нет. И даже лучше, если вопросы будут импровизированными или, по крайней мере, будут производить впечатление таковых. Однако список ключевых тем для обсуждения, в порядке убывания их значимости, очень помогает. Чтобы его составить, хорошо накануне интервью изучить всю возможную информацию о герое — как минимум, набрать его слово в строке поисковика в Интернете и прочитать ключевые ссылки. Лучше, если вы изучите тексты предыдущих интервью своего героя, которые он давал другим изданиям — так вы окажетесь в более выигрышной ситуации, ваши вопросы могут получиться более глубокими, более сущностными.

Теперь о форме вопросов. Очевидно, что вопрос должен быть «живым», — то есть произнесенным как личное обращение одного человека к другому. Естественно, он должен быть вежливым и деликатным. Недопустимы вопросы-осуждения (например, «Вы националист?», и тому подобное). Необходимо быть внимательным к собеседнику, уважать его со всеми его человеческими слабостями, понимать, что многие собеседники не любят давать интервью, поскольку боятся самого процесса общения с журналистами (в случае с сотрудниками епархиальных управлений, например, это бывает довольно редко, — но среди приходских священников очень часто). Также собеседник может переживать из-за опасения быть выставленным в неприглядном свете. В нашем случае, когда обсуждается тот или иной вопрос церковной жизни, представителям Церкви крайне важно следить за тем, насколько текст их публичных выступлений соответствует официальной позиции Церкви по данному вопросу. Именно поэтому, к слову, негласным правилом порядочных СМИ, не только церковных, является предоставление респонденту текста интервью накануне публикации с возможностью устранить те или иные неточности.

Чтобы вопрос не провоцировал у собеседника излишнего эмоционального и интеллектуального напряжения, вопрос должен быть предельно ясным и лаконичным. Громоздкие вопросы с мно-

жеством придаточных в одной конструкции, а также более одного вопроса в одном предложении дезориентируют собеседника, а журналиста лишают информации.

Следует также следить за темпом беседы. Здесь нужно найти золотую середину между вашими профессиональными задачами и особенностями респондента. Попросту говоря, есть более разговорчивые и менее разговорчивые люди. Одних стоит «подталкивать» к разговору вопросами, других — усиленно держать в русле основной беседы, не давая им излишне «растекаться мыслию по древу». Но и то, и другое нужно делать мягко и деликатно, позволяя человеку оставаться самим собой. В конце концов, если ответы собеседника оказываются при печати слишком длинными, всегда можно либо пойти на сокращение текста (например, путем удаления повторов или высказываний «не по теме»), или же «разбить» реплики собеседника искусственными репликами журналиста (например, «Почему так вышло?», или «Расскажите, пожалуйста, об этом»). В любом случае, интервью как текст не должно являться стенограммой беседы, о чем скажем позже.

Далее, важен порядок задаваемых вопросов — при помощи правильного распределения вопросов во времени журналист способен активно управлять беседой, что, опять же, немаловажно. Основное правило — не стоит задавать сложных, слишком острых и «неудобных» вопросов в начале беседы. Для создания атмосферы доверия и лучшего контакта с собеседником в начале лучше спросить о второстепенных вещах и задать тот вопрос, на который собеседнику будет ответить легко. Также можно использовать «простые» вопросы в промежутках между «сложными», если вы видите, что собеседник недоволен ходом беседы и не хочет обсуждать те или иные темы.

Наконец, важно знать о том, что каждый вопрос можно сформулировать по-разному, и от этого зависит, получите вы интересный и полный ответ, или нет. Например, за исключением редких случаев, лучше задавать не закрытый (то есть, подразумевающий краткий конкретный ответ — «да» или «нет»), а открытый вопрос (позволяющий дать ответ в свободной форме). Например, почти всегда лучше спросить не: «Как вы думаете, Вашу организацию закроют?», а: «Каковы Ваши прогнозы относительно будущего Вашей организации?». Последний вопрос включает работу ума и заставляет дать более продуманный, развернутый ответ.

Также эффективным инструментом интервьюера всегда являются вопросы-импровизации. Это вопросы, возникающие по ходу беседы и помогающие поддержать разговор. С точки зрения основной задачи интервью они являются второстепенными, но с точки зрения построения будущего текста, создания интересной, содержательной публикации — они просто необходимы. В церковной прессе эти вопросы, увы, пока почти совершенно отсутствуют, за исключением редких случаев. Это вопросы нескольких видов.

Во-первых, уточняющие. Никогда не будет лишним уточнить, верно ли вы поняли мысль собеседника, попросить его привести какие-то дополнительные данные или факты в подтверждение сказанного. Также при помощи уточняющих вопросов можно заострить основную проблематику беседы (обычно это достигается таким образом, журналист говорит: «То есть, Вы хотите сказать, что...», и далее пересказывает мысль собеседника собственными словами, но в более заостренной форме; собеседник, соответственно, соглашается или не соглашается со сказанным и проясняет свою истинную точку зрения).

Далее, вопросы развивающие. Это вопросы, позволяющие перевести беседу в иное, более глубокое русло, представить проблему в более широком контексте. Самый простой способ в данном случае — это после интересной фразы собеседника произнести: «Пожалуйста, расскажите об этом чуть подробнее». Можно также после завершения реплики собеседника повторить одно из его высказываний и спросить «Почему?». Наконец, всегда нужно выразить сочувствие человеку, когда он рассказывает о своих переживаниях, дать ему возможность «выговориться» о чем-то важном для него.

Наконец, есть так называемые переходные вопросы, или «вопросы-мости». Они нужны там, где разговор зашел в тупик и нужно резко изменить направление беседы (буквально — «Давайте поговорим вот об этом»). Однако нужно быть готовым к тому, что собеседник сможет и сам воспользоваться таким приемом, например — отказаться рассуждать на предложенную вами тему и начать рассуждать на ту, которая интересна ему. C'est la vie...

Из статьи Анастасии Коскелло, руководителя Информационной службы Санкт-Петербургской епархии Русской православной церкви «Технология интервью»

КАК ВОЗНИКАЮТ РАСКОЛЫ

Трагедия движения церковного возрождения XVII века

Поместным Собором Русской православной церкви 1971 года были сняты прежние клятвы на старые русские церковные обряды и на придерживающихся их православных христиан. Вот уже несколько десятилетий между Русской православной церковью и Русской православной старообрядческой церковью развивается диалог. Однако даже при трезвом понимании невозможности ставить перед собой в обозримом будущем цель преодоления многовекового раскола диалог остается процессом, требующим напряжения сил — в том числе и в стремлении понять, что же произошло три столетия назад?

Обычно раскол Русской Церкви XVII века описывают как конфликт церковных реформаторов и консерваторов. Но более близкое знакомство с вопросом позволяет усомниться в истинности этого расхожего представления.

Так, обращает на себя внимание тот факт, что вожди противоборствующих

Митрополит Пётр (Могила)

партий — патриарх Никон и протопоп Аввакум — принадлежали к одному кругу, точнее, кружку единомышленников — «боголюбцев». «Боголюбцы» были авангардом движения церковного возрождения. Кружок объединял русскую духовную элиту того времени. Основной тон задавали протопопы — благочинные в современной церковной терминологии. Это были ревностные пастыри, с полной ответственностью относившиеся к своей миссии. Не имея формального образования, они были начитаны, хорошо владели устным и письменным словом, яркий пример — все тот же протопоп Аввакум — создатель русской художественной прозы.

Отцы-протопопы были пламенными проповедниками, нелюбимыми обличителями безнравственности, истовыми духовниками, ревностными учителями. В своих приходах эти священники устраивали общинную жизнь, их жены-протопопицы, собирая прихожанок, вели диаконическую работу, занимаясь делами милосердия и благотворительности. Большое внимание они уделяли личной и соборной молитве. Невзирая на авторитеты, «боголюбцы» боролись за литургическое возрождение путем восстановления традиционного русского богослужения. Они сами практиковали и требовали от других введение «единогласия» вместо получившего распространение в то время «многогласия», когда служба делилась на части и читалась одновременно в разных улах храма.

За свое благочестие протопопы подвергались жестокому гонениям и от прихожан, и от менее ревностных собратьев, и, естественно, от духовных и мирских властей. Но, несмотря на преследования, «боголюбцы» остались непреклонны. Они не просто выдержали все гонения, они — победили. В 1645–1652 годы XVII века мы видим их уже в Москве настоятелями крупнейших соборов, в непосредственной близости от государя. Они фактически управляют жизнью всей церкви. Им, например, удалось добиться утверждения архиерейским собором 1649 года единогласия и официальной канонизации убитого по приказу царя Ивана IV митрополита Филиппа Московского с последовавшим за ней торжественным перенесением тела святителя из Соловков в Успенский собор Москвы.

Это перенесение началось с чтения специального обращения царя к усопшему. В нем царская власть, публично каясь в своих грехах, просила о прощении ее прегрешений. Царь брал полную ответственность на себя перед Богом за грехи своих предшественников (хотя Иван IV не был его родственником). Под колокольный

звон, несшийся со всех церквей, государь сам шел во главе многолюдного крестного хода из Москвы навстречу останкам святого. Впечатляющая картина!

Наконец, в 1652 году патриархом стал активный член кружка — Никон. И он... постарался избавиться от своих недавних соратников. Патриарх и его оппоненты были скорее консерваторами-традиционалистами. Они пребывали в твердой уверенности в том, что существует единый, неизблемый церковный богослужебный устав, принятый из Византии еще во времена Крещения Руси. Расходились стороны только в том, как лучше этот устав восстановить: обращаясь ли к «древним» (греческим или славянским) книгам, или же следуя современной им практике греческой церкви.

Почему этот вопрос приобрел поистине вселенский характер?

Когда Русь, без особых потерь и расхождений, выросла в могучую и свободную от азиатских завоеваний страну, Византия, бывшая в течение столетий главным источником веры, культуры и государственных норм, пала под ударами южных турков. В умах русских людей зародилась мысль, что теперь сам Господь предназначил Руси стать преемником византийских императоров в деле защиты православия. Особенно после того, как Москва в противоположность Константинополю отвергла унию с Римом. Именно в этой обстановке формулируется учение о Москве как о Третьем Риме.

Московский князь принимает титул царя, т.е. цесаря-императора, и ответственность за судьбы всех православных, в том числе и живших за пределами России. В середине XVII века Россия выступила в защиту православного населения Речи Посполитой, восставшей под предводительством Богдана Хмельницкого. Присоединение Украины делало Московскую Русь непосредственным соседом Турции. В случае успеха Россия могла бы легко помочь православному населению на Балканах. Эти настроения поддерживались церковными иерархами Балкан и Ближнего Востока. Они внушали царю мысль о том, что он является законным преемником власти византийских василевсов, а патриарху говорили, что ему предназначено судьбою освящать константинопольскую церковь Софии.

Неудивительно, что недавно попавший в патриархи почти что прямо из игуменов пустынного и приполярного монастыря Никон терял голову, чувствуя себя вершителем судеб всего православного мира. Своим энтузиазмом он увлекал и царя, который тоже стал увлекаться «греческим проектом». Опасаясь, что некоторая разница между русским обрядом и обрядом греков, который был принят в православных церквях Украины и Белоруссии, может скомпрометировать его возможное будущее положение как главы всех православных Востока, он стал задумываться над тем, как приблизить русский обряд к греческому. Мечты о православной империи с центром в Москве делали вопрос различий устава уже не только русским делом, но и вселенским. Не могла же Москва, со своими «ошибками» в уставе, стать во главе вселенского православия.

Конечно, ни ему, ни его греческим друзьям и в голову не приходило, что их утверждение о русских искажениях устава совершенно голословны.

Еще русские историки церкви XIX века Е.Е. Голубинский и Н.Ф. Каптерев, а в XX веке о. Иоанн Мейендорф обратили внимание на одно интересное обстоятельство: патриарх Никон и его сотоварищи греческие консультанты не знали истории литургии. В результате они трактовали расхождение между греческим и русским богослужебными уставами как результат «неправильности», «испорченности» последнего. В действительности

все обстояло не так. Во время принятия христианства Русью в Византии действовали два несколько отличавшихся между собой устава: на востоке империи — Иерусалимский, составленный св. Саввой Овященным, а на западе — Студийский или Константинопольский. Студийский устав и стал основой русского устава. В то же время в Византии в силу разных обстоятельств в XII и XIII веках он был вытеснен уставом св. Саввы. В конце XIV и в начале XV века митрополиты московские грек Фотий и болгарин греческой школы Киприан стали вводить в России устав св. Саввы, заменяя им Студийский устав, но они не успели довести свою реформу до конца. Поэтому в русском уставе осталось много древних, более архаических ранневизантийских черт из Студийского устава, чем в уставах, которыми пользовались греки XIV и XV веков — в частности, двуперстное крестное знамение, хождение посолонь и двукратное аллилуйя. Так как с 1442 года в России больше не было греческих митрополитов, то русская церковь так и сохранила до середины XVII века этот переходный устав, в котором архаические элементы Студийского отличали его от нового греческого Иерусалимского устава. Но, к сожалению, история перемены уставов и в греческой церкви, и в русской была забыта, и греки, забывшие Студийский устав, считали старые черты русского устава русскими нововведениями.

По сравнению с принятием Иерусалимского устава «реформа» Никона была лишь «исправлением», а не настоящей реформой. Настоящие реформы богослужения, как упомянутое принятие нового устава, а также известного «диатаксиса» патриарха Филофея о служении литургии, проводившиеся в прошлом, в истории именно русской церкви, не вызывали ни сопротивления, ни раскола. А ведь это были реформы куда более значительные, чем «правка книг» при Никоне.

Однако не только Никон, но и его оппоненты не знали истории устава. Ни та, ни другая стороны не обладали ни необходимыми знаниями, ни практической возможностью проверить русскую практику по «древним» образцам, и поэтому решение патриарха Никона и царя — исправлять книги по греческим образцам (то есть по книгам, напечатанным в Венеции, часто не без латинских влияний) — было решением упрощенным, которое пришлось навязывать силой.

Почему же после ухода с исторической сцены главных действующих лиц этой трагедии, Никона и «боголюбцев», раскол не только не прекратился, но собственно оформился как таковой? Кто был главной движущей силой этих процессов?

Ответы на эти вопросы мы получим, если обратим внимание на тех, кто был опорой патриарха Никона. Громя «боголюбцев», он опирался на «аппаратчиков» церковной администрации — мирских чиновников патриаршего и епархиального управлений. Отчасти его поддерживали сами епископы и представители придворных кругов. Большинство союзников Никона вовсе не интересовалось церковными вопросами, а просто хотели развязаться с надоевшими им проповедниками-моралистами. Примечательно, что эти же самые группы затем и выступили против самого патриарха, который еще энергичнее, чем «боголюбцы» проводил примат церковных властей. Разгром «боголюбцев», а затем падение самого патриарха в корне подорвали силы сторонников воцелковления Руси. Занявшись взаимным самоуничтожением, они открыли дорогу для быстрой секуляризации страны, в особенности дворянства, которое всегда стремилось ограничить влияние церковных властей в стране.

В середине XVII века в жизни страны произошли значительные культурные и духовные сдвиги, прозвизвшие смести весь традиционный духовный уклад страны. Годы польской войны были для России тем переломным временем, когда новые идеи и новые культурные веяния быстро начали распространяться. Само пребывание русских войск в Литве, Польше, Ливонии, Малой и Белой Руси приучило дворян и солдат к новому стилю жизни,

к новой службе в церквях, к другой по складу культуре. Эта длительная война привела к приливу в Московскую Русь большого числа западноруссов, которые, оседая в Москве и других больших городах страны, становились проводниками навыков и культурных замашек западного стиля. Та же польская война заставляет правительство приглашать в Россию все большее число иностранных военных и технических специалистов.

Целый ряд западнорусских и польских художников и декораторов с конца 1650-х годов работает на царский дворец в Москве. У многих бояр появляются западные картины, польские и немецкие слуги. Дворец царя украшается мебелью

Протопоп Аввакум

западного стиля, а на троне делается латинская надпись. К концу царствования Алексея Михайловича дворцовые порядки напоминают будущие петровские ассамблеи. Сам царь надевает польское платье, зовет во дворец заморских актеров. В Преображенском летнем дворце организован театр.

Эта европеизация московской жизни происходила не так стремительно, как при Петре, но быстрота петровских реформ стала возможна именно потому, что при Алексее Михайловиче, его отце, уже произошли большие психолого-культурные сдвиги. Старый быт начал отмирать в кругах высшего московского общества. Эти перемены затрагивают верхушку аристократии и двор, часть дворянства и даже часть иерархии.

После того, как Никон оставил церковь без иерархического руководства, его место фактически занимает царь. Близкий родственник царя, его дядя по матери боярин Семен Лукьянович Стрешнев по поручению государя строго присматривает за церковными делами и за спиной иерархов руководит деятельностью соборов. В его лице уже с 1660-х годов появляется зловещий прообраз будущей фигуры обер-прокурора.

Произошел, по выражению В.П. Рязанского, раскол культуры единого народа на «культуру барина» и «культуру мужика». По мнению заведующей отделом древнерусской литературы Пушкинского дома Натальи Владимировны Поньрко ГУЛАГ заставил наследницу «культуры барина» — российскую интеллигенцию — по-новому, с сочувствием, взглянуть на трагедию XVII века. Во многом благодаря результатам исследований ученых современных старообрядцы сохраняют целостность своей традиции. Одним из шагов на пути взаимодействия старообрядцев и академического сообщества была недавняя конференция в Санкт-Петербурге в Государственном музее истории религии «Старообрядчество: история и современность». В ней приняло участие более 50 человек из разных стран. Среди них и такие авторитетные ученые, как уже упоминавшаяся Наталья Владимировна Поньрко, филологи Елена Михайловна Юхименко и Андрей Владимирович Вознесенский, историки Сергей Львович Фирсов и Елена Владимировна Белякова, а также молодые исследователи, представители старообрядческих общин и РПЦ. Конференция вызвала всплеск интереса петербургской общественности к древнерусской церковной традиции. Ее посетило около 300 гостей. Работа форума широко освещалась в СМИ.

Александр БУРОВ

«ВСЯКИЙ, КТО СПОСОБЕН БЛАГОДАРИТЬ, ДОСТОИН СПАСЕНИЯ И ВЕЧНОЙ РАДОСТИ»

Памяти протопресвитера Александра Шмемана

Из неписанного личного дневника М.Д. Декабрь 1993 г.

Совершается моё вхождение в церковь. Чудо обретения веры — ниоткуда, из глубины — произошло, но она ещё по-младенчески мала и хрупка, хотя несомненна и подлинна. Глубокие тёмные вечера: на огласительных встречах в приходском доме засиживаемся до полуночи, иногда и позже. В один из этих морозных дней совершается панихида по о. Александру Шмеману: 10 лет со дня его кончины. На панихиде я не был — но припоминание её каким-то образом совершается потом, через несколько месяцев: перед крещением на Пасху я начинаю подпевать в нашем молодом церковном хоре, для которого эта панихида была одной из самых первых (какова ответственность!) служб.

1994 г.

«Залатывание» (иного слова не подобрать) последней и итоговой книги о. Александра «Евхаристия. Таинство Царства». Пронзительное — не чувство, а полное и несомненное удостоверение — в подлинности её. Конечно, евхаристия может быть только такой!..

1996-1997 гг.

1993 г. был последним относительно спокойным в жизни нашего братства. В конце его началось то, что никак нельзя

было себе представить происходящим внутри церковной ограды. «Брат восстал на брата...» Вот только не был ли этот «восставший брат» — из племени лжебратий?..

Потом — никак не вмещающее недоумение: невозможность быть вполне открытыми со своими же по вере, с такими же православными!.. Постоянный риск встретить холодность и отчуждение, а то и истовую враждебность — при малейшем упоминании, из какого ты храма. Тёмное торжество бытового православного сектантства: «наши» — «не наши». Хождение по разным храмам часто становится чем-то вроде конспиративной акции: по косвенным признакам, по взгляду, по книгам, что человек читает — пытаться понять: можно быть с ним доверительным, или нет? Книги о. Александра в этой ситуации — как пароль, условный знак. Если видишь их где-то на прилавке у «ящика» — уф-ф, здесь можно немного расправить плечи, стоять прямо, не быв запоздненным в «сектантской гордыне».

1998 г.

Апофеоз мелкого и пошлого «православного» беснования. В Екатеринбург по распоряжению местного епископа сжигают книги, в том числе книги о. Александра Шмемана. Такое вот посмертное гонение...

2000-е гг.

В Киеве потихоньку начинают издавать книги о. Александра. «Заграница нам поможет...» Неужели фундаменталистский морок середины 90-х начинает рассеиваться?..

2005 г.

Выход «Дневников». Бомба. Фурор. Снова, как и в советские времена, все запоем читают одну и ту же книгу. Тираж сметён с полок. В классификации «бестселлеров» появился новый вид: «церковный».

Священники — читают! И обсуждают! Православный интернет — из помойки, в которой каждый с высоты своей «церковности» (той или иной «редукции» воспринятого «благочестия»: все кавычки — термины о.А.Ш.) «поливает» и «моет» другого — на короткое время превращается в пространство здоровой дискуссии. Глубокие и острые переживания о. Александра дают возможность церковным людям (и в первую очередь — клиру) начать открыто говорить о реальных церковных проблемах. Правда, насыщенность этих разговоров довольно быстро сходит на нет.

2008 г., декабрь

13-го — уже 25 лет со дня смерти отца Александра.

Что дальше?

13 декабря исполняется 25 лет со дня кончины протопресвитера Александра Шмемана. Многочисленные эпитеты к его имени не нужны: каждый, кто хотя бы мельком знает его жизнь или его книги, мгновенно добавит всё необходимое. Потому что они, как говорится, «носятся» в воздухе, существуют на уровне «эйдосов». Не только друзей и почитателей, но и врагов его имя не оставляет равнодушными и поныне.

Время является серьёзным испытанием значительности жизни конкретного человека. Конечно, лишь человеческая память и мысли непостоянны и неполны — это «не Божьи мысли»; только Бог знает истинную цену пути каждого, в том числе и тех, кто как бы канул в лету человеческого непоминания или даже беспамятства. Но всё же нельзя пренебрегать и свидетельством памяти человеческой.

25 лет — срок значительный, тем более по нынешним меркам. Отец Александр Шмеман не уходит из памяти людской и памяти церковной. Более того, подчас его воздействие на умы и сердца даже как бы усиливается (ярчайший пример — публикация несколько лет назад его личных «Дневников», неизвестных при жизни). Собственно «Дневники» и явились тем недостающим кусочком смальты, который довёл до какого-то важного завершения (полноты) мозаику, запечатлевшую целостный духовный облик о. Александра.

Масштаб его личности впечатляет: широчайший круг интересов; высокая культура, языки; острый ум; пытливая вовлечённость во все важнейшие события своей эпохи. Яркий, искрящийся, густой и терпкий вкус настоящего человеческого счастья, личного и семейного (впрочем, разве может христианин быть счастливым?..) Но одновременно — трагичность, подчас отчаяние и беспомощность человека, не могущего серьёзно продвигать дело своей жизни: содействие возвращению в церковь — христианского,

евангельского, подлинно Православного духа. Шемящее одиночество человека, не находящего почти ни одного настоящего единомышленника — и это при внешнем триумфе и искреннем почитании ещё при жизни от множества людей!.. Не стоит обсуждать «противоречивую» коллизию: как в православие надо возвращать дух Православия — это непонятно лишь для православных «бытовиков», как их едко именует о. Александр, возлюбивших «православный быт» и его неподвижность, незыблемость более Христа и Евангелия. Отдавших предпочтение «религии» — вместо христианства. Но почему всё же старания о. Александра Шмемана не возымели желательного — при всей внешней, со стороны американского православного общества, благожелательности к нему и его делу — действия и результата?

Это очень непростой и чрезвычайно многоплановый вопрос. Можно попытаться указать лишь некоторые моменты.

Конечно, велика была (и есть) инерция «исторического православия», не освободившегося до конца от шемящих и бердящих душу воспоминаний былой (но так долго казавшейся вечной!) константиновской эпохи. Поэтому и велико было (и есть, к сожалению) влияние «бытовиков» в Европе и Америке они, к счастью, не имели возможности апеллировать к «административному ресурсу» — в силу действительной светскости государства, но и в силу мудрости и бескомпромиссности церковного руководства, за исключением, может быть, отдельных маргинальных групп). Плюс к этому, как неоднократно отмечается в «Дневниках», слишком многие выбирают в православии не его полноту, а всевозможные «редукции», обращение лишь к тому или иному пласту предания, и их возводят в центр своей веры. «... Я так остро чувствую свое одиночество в Православии: в отталкивании от тех его «редукций», что нарастают на наших глазах и в России, и вне ее, от этого обожествления — будь то «ви-

зантинизма», будь то «русизма», будь то «духовности» и т.д.». А такая редукция неизбежно приводит к тому, что «предмет интереса» становится попросту идолом.

Во-вторых, здесь проявилась, если можно так сказать, некоторая духовно-практическая непоследовательность о. Александра. Развивая и защищая «литургическое богословие», поставив в центр христианской жизни — Евхаристию, он по трагической случайности не смог ясно передать другим, что, пребывая в центре, но будучи лишённой всех остальных сторон христианской жизни (и веры, и молитвы), не распространяя своё благодарственно-агапическое влияние на них, она может стать точно такой же «редукцией» (прочие разновидности которых он метко замечал и беспощадно обличал). И привести к тому или иному изводу всё того же «бытовизма» (но уже в «обновлённой» форме). В каком-то смысле плоды этой редукции можно наблюдать на примере современного кризиса жизни Православной церкви в Америке, кровном детище о. Александра. Особый трагизм заключается в том, что в своей собственной христианской жизни ему удавалось распространять этот евхаристический дух, живое «присутствие» и «соотнесённость» с Царством — «уже, но ещё не» «пришедшим в силе» — на все стороны, все проявления своей жизни. Именно этот важнейший опыт ему и не удалось передать другим...

Ну и наконец, на всё даются свои «времена и сроки», существует тайна Божьего домогательства, сообщающего одним временам и людям, в них праведно «ходящим пред Богом», свои особые дары. Величайшие дары и прозрения были даны русской эмиграции, равно как не меньшие дары — и не меньшие трагические испытания — были отпущены на долю христиан, оставшихся в обезумевшей России, чтобы пронести свой крест до конца. И вот, как видится, открываются новые страницы истории, когда эти два

потока живого предания могут обрести общее единое русло. Разве это возможно? Сможем ли мы его понести? Ведь люди, собравшие и передавшие нам это наследие, — «богатыри, не мы»?

И в заключение несколько слов — всё же о благодарности, благодарении, Евхаристии.

Для о. Александра, безусловно, — это важнейший мотив: здесь сердцевина его личного кредо, ключ к пониманию христианства, из чего вытекает «литургическое богословие», дело всей жизни. Последнюю свою проповедь (за две недели до смерти) он произнёс — случайность? — в день Благодарения, любимый американский праздник, внешне совсем светский. «Всякий, кто способен благодарить, достоин спасения и вечной радости» — так она начиналась. Бродский, с которым они были дружны и внутренне созвучны, разделяя в том числе этот «благодарственный» мотив, написал в 1980 г.: «...Но пока с горем рот не залепили глиной, / Из него раздаваться будет лишь благодарность». Это манифест — достойный человека, но человека, как бы не знающего или «изнемогшего в вере», не прилепившего ещё «всею крепостию своей» ко Христу — в надежде. Вера же отца Александра питалась этой эсхатологической надеждой. И благодарность — уже не из телесных уст, но из таинственной невыявленной до времени глубины духовного существа — верного Божьего служителя Александра Шмемана (ведь «у Бога все живы!») продолжает звучать, сходя к нам со страниц его книг, его проповедей, «Дневников», всё так же сообщая живое и непостижимое «присутствие» Царствия Божьего. «И Дух и Невеста говорят: гряди». «Невеста» — церковь живых и усопших, в которой явственно звучит и славящий, и благодарящий глас протопресвитера Александра Шмемана.

«Ей, гряди, Господи Иисусе!»

М.Д.

НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU ВЫ МОЖЕТЕ НАЙТИ ОСНОВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ НОВЫХ НОМЕРОВ И АРХИВ ГАЗЕТЫ ЗА 5 ЛЕТ

Учредитель: Региональная общественная организация «Культурно-просветительский центр «Преображение»

Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д.29, стр.1
Тел./факс: (495) 624-92-50
© РОО «Преображение». Все права защищены

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Главный редактор: А.В. Колымагина
Зам. гл. редактора: А.А. Буров

Электронный адрес редакции: kifa@list.ru
Электронная версия газеты: http://gazetakifa.ru

Над номером работали: Анастасия Наконечная, Елена Шевелева, Дмитрий Матвеев, Владимир Лидский

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-24541 от 2 июня 2006 г.

Иллюстратор: Татьяна Аразян
Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш, Анна Лепехина

Отпечатано в типографии «Эньф», г. Москва, ул. Ткацкая, д. 5
Тираж 1500. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать 24 ноября 2008 г.
Время подписания в печать: по графику — 9.00, фактическое — 9.00
Дата выхода в свет 27 ноября 2008 г.

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине predanie.org; в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д.29, оф.38); в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, д. 9).

Подписной индекс в агентстве Роспечать — 19601

Телефоны распространителей

Москва: (495) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769 (Ольга Филиппова), 8-916-114-6737 (Ольга Орлова), 158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова); Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная); Архангельск: 8-921-299-4978 (Андрей Подоров);

Воронеж: 8-950-763-50-35 (Александр Терехов); Северодвинск: 8-921-299-7687 (Нина Портнова); Тверь: 8-(4822)-50-2308 (Олег Ермолаев); Тула: 8-(4872)-37-5782 (Марина Писаревская); Электросталь: 8-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)